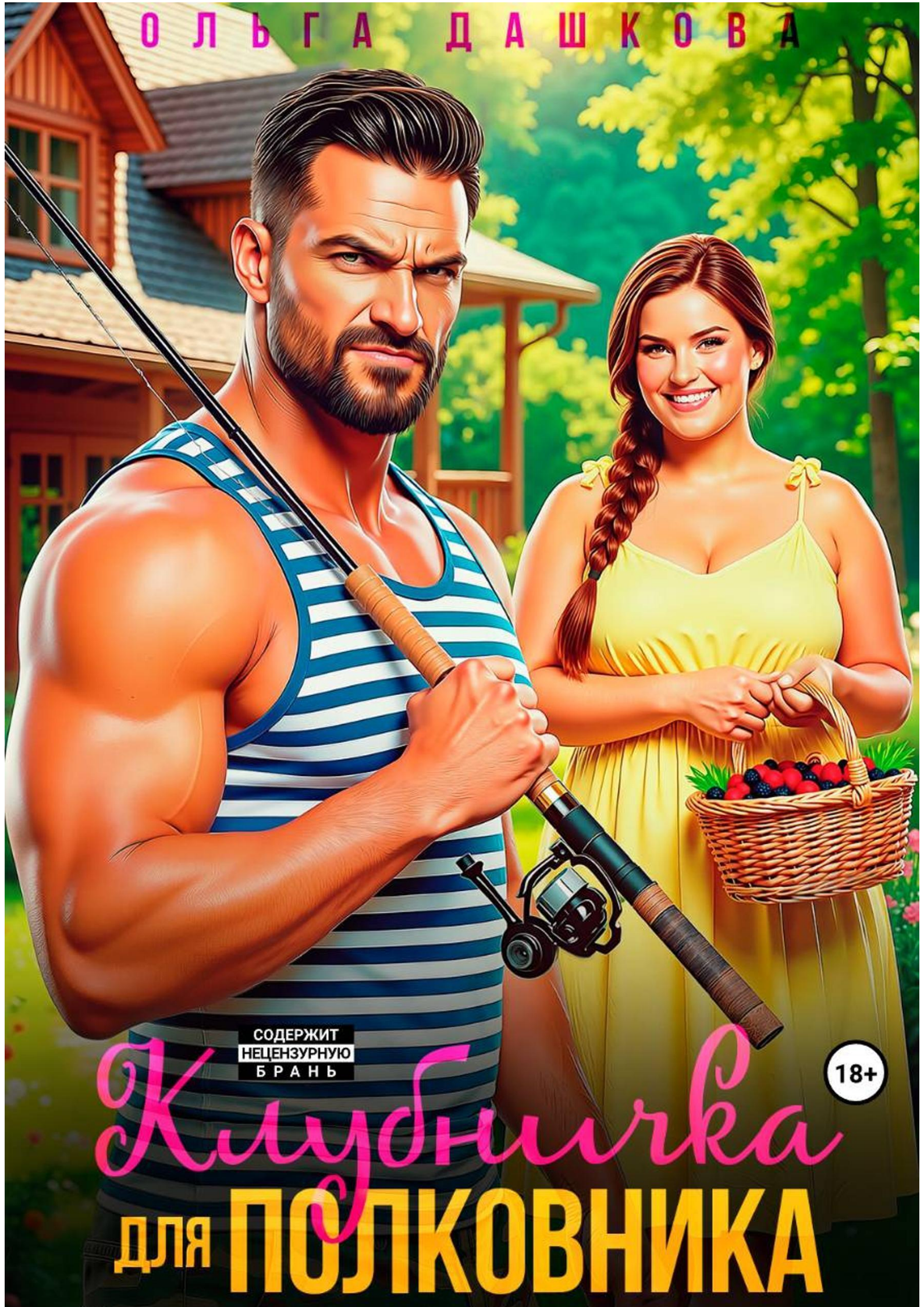


О Л Ь Г А Д А Ш К О В А



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ловушка для ПОЛКОВНИКА

Ольга Дашкова

Клубничка для Полковника

«Автор»

2026

Дашкова О. В.

Клубничка для Полковника / О. В. Дашкова — «Автор», 2026

Я приехал в эту глухую деревню за тишиной. За покоем. За возможностью наконец-то забыть, кто я такой. 45 лет. Полковник. Шрамы. Пустота внутри. Я был уверен, что женщины мне больше не нужны. А потом появилась она. Я думала, что после предательства мужчины меня уже ничем не удивить. Решила: буду громкой, дерзкой и веселой. Пусть лучше считают сумасшедшей, чем брошенной. А потом в соседнем доме появился он. Суровый. Молчаливый. С тяжелым взглядом и руками, от которых мурашки по коже. Полковник Котов. Мой личный медведь. Мужчина, который старше меня и который сначала хотел только одного, чтобы я исчезла. Лето. Деревня. Разница в 17 лет. И одна жаркая война!

© Дашкова О. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Тишина, которую заказывали	5
Глава 2. Мой личный медведь	8
Глава 3. Соседская война	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ольга Дашкова

Клубничка для Полковника

Глава 1 Тишина, которую заказывали

Дорога в деревню была такой же, как и я сам: потрепанная, с выбоинами и без единого намека на то, что кто-то собирается ее чинить. «Нива» старого друга рычала, как раненый зверь, и каждую яму я чувствовал позвоночником.

Левая нога ныла, будто внутри нее кто-то методично вкручивал шуруп. Доктора в госпитале сказали: «Полковник, еще месяц покоя, и можно возвращаться в строй». Я кивнул, подписал бумаги и в тот же вечер собрал рюкзак.

Какой, к черту, покой в Москве? Там каждый второй либо бывший подчиненный. А здесь, в глухой карельской глуши, у друга детства остался дом. «Приезжай, – сказал он по телефону. – Там даже собаки не лают, если не кормить».

Приехал уже затемно, фары выхватили из темноты покосившийся забор, крыльцо с провисшей ступенькой и старый сарай, который, судя по всему, видел еще финскую войну. Выключил мотор, тишина навалилась сразу, плотная, как ватное одеяло.

Ни гула машин, ни сирен, ни матерных криков из соседнего подъезда. Только ветер шуршит в кронах сосен и где-то далеко, на реке, квакает лягушка. Я сидел в машине еще минуту, просто вдыхая этот воздух. Пахло смолой, сырой землей и чем-то неуловимо деревенским, наверное, коровьим навозом за километр отсюда.

– Ну вот и все, Федор Матвеевич, – пробормотал себе под нос, открывая дверь. – Добро пожаловать в отставку. Или как там теперь это называется? Вынужденный отпуск по состоянию здоровья, мать его.

Вытащил рюкзак, захромал к крыльцу. Ключ лежал под ковриком, как и обещал друг. Дверь скрипнула так, что я невольно усмехнулся: если бы в части так скрипели двери, половина бойцов бы уже поседела от инфаркта.

Внутри пахло пылью и старым деревом, щелкнул выключателем, тусклая лампочка под потолком зажглась неохотно, осветив простую обстановку: стол, печь, узкая кровать в углу и шкаф, который, похоже, помнил еще Сталина.

Разложил вещи методично, по-армейски. Форма в шкаф, гражданское на стул, аптечку на стол. Последний пузырек с обезболивающим поставил отдельно, на всякий случай. Нога пульсировала, но я знал: если начну жалеть себя, то к утру превращусь в развалину.

Вместо этого поставил чайник на плиту, нашел в шкафу банку тушенки и кусок черного хлеба. Ужин холостяка обещал быть сытным.

Пока вода закипала, вышел на крыльцо, присел на ступеньку и закурил. Первая затяжка обожгла горло, как всегда после госпиталя. Дым поднимался вверх, растворяясь в темном небе.

Звезды здесь были ярче, чем в городе. Я смотрел на них и думал: вот оно, то, о чем все мечтают на заданиях. Тишина. Никто не орет в рацию, никто не просит подкрепление, никто не умирает у тебя на руках. Просто ночь, лес и я.

Сорок пять лет, полковник Котов, Федор Матвеевич. Человек, которого боялись даже те, кто не должен был. А теперь сижу, как дед на завалинке, и радуюсь, что никто не лезет с разговорами.

Черный юмор ситуации меня позабавил. Я даже хмыкнул вслух.

– Поздравляю, полковник. Ты официально стал тем самым дядькой, которого все внуки боятся. Только внуков нет. И детей тоже. И жены, если уж на то пошло. Зато есть пенсия и куча шрамов на память.

Тушенка оказалась съедобной, чай крепким. Лег на кровать, не раздеваясь, и вырубился почти мгновенно. Сон был тяжелым, без сновидений, как всегда после дороги и таблеток.

Утро пришло неожиданно светлым. Солнце уже поднялось над лесом, и через пыльное окно пробивался такой яркий луч, что я невольно зажмурился. Нога болела меньше, видимо, воздух подействовал.

Встал, потянулся, чувствуя, как трещат позвонки, и пошел на улицу. Кофе. Обязательно нужен был кофе. Нашел в рюкзаке турку, насыпал гущу, поставил на плиту. Сварил кофе, вышел на крыльцо с кружкой в руке.

Вот оно. То самое, ради чего я сюда и приехал. Утро было теплым, но не душным. Легкий ветерок шевелил листья берез у забора. Где-то за деревьями слышался плеск реки, друг говорил, там отличная рыбалка.

Сделал глоток, обжег язык и улыбнулся уголком рта. Тишина. Настоящая, густая, как сироп. Ни одного человеческого голоса. Ни шагов. Ни...

– Ха-ха-ха! Ой, бабуль, ну ты даешь! Да я ему сейчас все объясню по-военному, не переживай!

Голос ворвался в мою тишину, как граната в окоп. Звонкий, женский, с такой заразной веселостью, что у меня сразу сжались челюсти.

Повернул голову, по тропинке между двумя участками шла девушка. Высокая, с длинной русой косой, которая болталась за спиной, как веревка. На ней был желтый сарафан, короткий, легкий, облегающий там, где нужно и подчеркивал все, что природа дала щедро. В руках была плетеная корзинка, полная чего-то красного. Клубника, наверное, или малина, не разглядывал.

Она шла прямо ко мне. Улыбка широкая, белозубая, такая, от которой у нормальных мужиков в голове сразу становится шумно. Поставил кружку на перила и скрестил руки на груди. Камуфляжные штаны, тельняшка, все, что было под рукой. Никакого парада.

– Доброе утро, товарищ полковник! – выпалила девица, останавливаясь у калитки. Калитка, кстати, была открыта. – Я Анюта Хохлова. Анна Егоровна, если по паспорту. Ваша соседка на все лето. Бабушка сказала, вы тут тишину заказывали. Так вот, я ее немного... разбавлю. Можно?

Она смотрела на меня так, будто мы уже сто лет знакомы. Ни тени сомнения, ни робости. Только этот чертов блеск в зеленых глазах с искорками. Двадцать с небольшим, прикинул я. Максимум двадцать восемь.

Слишком молодая. Слишком живая. Я молчал секунду, давая ей шанс развернуться и уйти. Не сработало.

– Не надо разбавлять, – сказал ровно, без эмоций. Голос у меня был низкий, прокуренный, с той самой командной хрипотцой, от которой в части сразу вставали по стойке «смирно». – Я сюда за тишиной и приехал. Понятно?

Она не обиделась. Наоборот только рассмеялась. Громко, от души, запрокинув голову. Коса качнулась, сарафан чуть сполз с плеча.

– Ой, ну вы прям как в кино! «Понятно?» – передразнила она, копируя мой тон. – Товарищ полковник, вы всегда такой... строгий? Или это только по утрам, до первого кофе?

Прищурился. В голове мелькнула мысль: «Блядь, вот это сюрприз. Друг сказал – дом пустой. А тут целая ходячая катастрофа в желтом с косой и грудью третьего размера».

– Хохлова, – начал, уже чувствуя, как внутри закипает привычное раздражение. – Мне сорок пять. Я не за развлечениями сюда приехал. И вам не советую тратить время. Идите... клубнику собирайте. Или чем вы там занимаетесь.

Она поставила корзинку прямо на мое крыльцо. Ягоды были свежие, еще с росой, ярко-красные, сочные. Сладкий, летний аромат ударил в нос, почти непристойный на фоне моей тушенки вчерашнего дня.

– Это вам, – сказала она, будто не услышав ни слова из моей речи. – Для поднятия боевого духа. А то вы такой суровый, что даже комары, наверное, облетают стороной. Я их вчера видела, кружили над вашим забором и боялись подлетать.

Посмотрел на корзинку, потом на нее. Она стояла, переминаясь с ноги на ногу, и улыбалась. Не нагло. Просто... искренне. Как будто действительно хотела, чтобы я улыбнулся в ответ.

Внутри меня что-то дернулось. Не злость, нет, что-то другое. Старое, забытое. Я сразу задавил это к чертовой матери.

– Спасибо, – буркнул, не прикасаясь к корзинке. – Не нужно. Забирайте.

Анюта наклонила голову набок, коса скользнула по плечу.

– Ого. Сразу «не нужно». Вы даже не попробовали? А вдруг я отравительница? Или, наоборот, фея-клубничница? Товарищ полковник, вы всегда так с женщинами?

Она сказала это легко, будто шутила. Но в глазах мелькнуло что-то острое. Интерес? Вызов? Я не стал разбираться.

– Анна Егоровна, – произнес медленно, четко, как на разводе. – Я не ищу компании. Ни женской, ни какой-либо другой. Приехал отдохнуть. Один. Если вам нужно что-то по хозяйству: забор починить, крышу подлатать – скажите. Сделаю. По-соседски. А остальное... оставьте.

Она не отступила, вместо этого шагнула ближе, оперлась ладонями о перила крыльца и посмотрела мне прямо в глаза. Роста в ней было достаточно, я видел, как напряглись мышцы на ее руках. Сарафан обтянул грудь, я отвел взгляд. Не потому, что стеснялся, просто не хотел.

– Знаете, товарищ полковник, странно, но вы даже не улыбаетесь. Это вызов?

Усмехнулся. Черно. Коротко. Без тепла.

– Вызов? Девушка, я двадцать пять лет командовал людьми, которые могли меня прикончить одним взглядом. Вы – не вызов. Вы – шум. А я сюда за тишиной.

Она выпрямилась, подхватила корзинку, но одну ягоду все-таки оставила на перилах как трофей и помахала рукой.

– Ладно, товарищ полковник. Не благодарите раньше времени. Лето длинное. Я еще вернусь. И, может, даже заставлю вас улыбнуться. Хотя бы один раз. Для статистики.

Ушла легко, почти танцуя по тропинке. Коса качалась, сарафан развевался. Я стоял и смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. В руке остывала кружка с кофе. Ягодка на перилах блестела на солнце, как маленькая красная мина.

Я взял ее двумя пальцами, поднес к носу. Сладкий, свежий, живой запах ударил снова, сунул в рот. Вкус был... черт, он был идеальный. Сочный, с легкой кислинкой.

– Клубничка, значит, – пробормотал, сплевывая хвостик в траву. – Для полковника. Ну-ну.

Внутри, где-то глубоко под ребрами, где я давно уже ничего не чувствовал, кроме боли в ноге и усталости, шевельнулось что-то теплое. Не любовь, нет. Даже не интерес. Просто... искра. Маленькая, опасная, как та, что остается после выстрела в темноте.

Допил кофе, покурил, вернулся в дом. Дверь закрыл плотно, но тишина уже была другой. Она теперь пахла клубникой и женским смехом.

И это, мать его, меня бесило больше всего.

Глава 2. Мой личный медведь

Я всегда говорила, что лето в деревне, это когда время замедляется, а сердце, наоборот, начинает стучать быстрее. Особенно если рядом появляется такой сосед-военный. Я кстати узнал, его зовут Федор Матвеевич Котов и он полковник.

Пять дней прошло с того самого утра, когда я впервые сунулась к его крыльцу с корзинкой клубники. Бабушка, конечно, меня предупреждала, как только я вернулась от него, она сидела на кухне в своем стареньком халате с цветочками, вязала носок и шурилась на меня поверх очков, как сыщица из старого фильма.

– Анюта, ты только не лезь к человеку, – сказала она тогда, цокая языком. – Военный, после ранения. Мне Иван звонил, предупреждал, что приедет отдохнуть его друг. Такие, знаешь, как медведи в берлоге. Разбудишь и получишь лапой по лбу. Сиди лучше дома, помогай мне с огурцами.

Но бабушка моя любопытная старушка, каких поискать. На следующий день она уже сама подкралась к окну с биноклем (да-да, у нее есть настоящий армейский бинокль, дедушкин трофей) и шептала:

– Ох, Нюточка, а он и правда видный. Высокий, плечи – во! И хромает чуток, бедолага. Ты ему пирожков отнеси, что ли? Мои, с капустой и яйцом. Мужики после госпиталя на сладкое не очень, а на сытное – самое то.

Я рассмеялась тогда и пообещала. А сама подумала: «Бабуль, ты бы знала, как он на меня посмотрел. Как на диверсанта в юбке».

За эти пять дней я, конечно, не сидела сложа руки. Деревня, она такая: здесь все на виду, и тишины не бывает. Утром второго дня я пошла на речку купаться. Солнце только-только встало, туман над водой еще не рассеялся, птицы орали как сумасшедшие.

Я скинула сарафан прямо на берегу, нырнула голышом, вода была ледяная, обжигала кожу, но такая свежая, что аж дух захватывало. Плавала, ныряла, хохотала сама с собой. А когда вылезла и стала выжимать волосы, вдруг почувствовала: кто-то смотрит.

Обернулась, на том берегу, метрах в тридцати, стоял Ктов. С удочкой, не двигался, просто смотрел. Я не закричала, не прикрылась. Просто помахала рукой и крикнула весело:

– Доброе утро, товарищ полковник! Вода отличная, присоединяйтесь!

Он резко отвернулся и ушел в лес. Я потом хихикала всю дорогу домой. Но внутри что-то екнуло. Не страх. Просто... интересно стало.

На третий день я умудрилась сломать забор. Не специально, честное слово! Бабушкина коза Машка опять сбежала, я за ней в одном халате и тапках. Прыгнула через нашу калитку, зацепилась ногой за доску у его забора, и вся секция рухнула с таким грохотом, будто танк проехал.

Я сидела в крапиве, Машка жевала мою косу, а он вышел на шум. В тельняшке, хмурый, с молотком в руке.

– Хохлова, – сказал он низко, без приветствия. – Вы всегда так начинаете день?

Я поднялась, отряхнула халат и улыбнулась, хотя крапива жгла ноги.

– Только по четвергам, товарищ полковник. Зато теперь у нас общий забор. Можно считать, мы уже почти семья.

Он ничего не ответил. Просто молча поднял доски, поставил их обратно и прибил гвоздями. Руки у него были... ну, такие, что я невольно задержала дыхание. Широкие, в старых шрамах. Я стояла рядом и подавала ему гвозди. Молча. Без своих обычных шуточек. А когда он закончил и выпрямился, я тихо сказала:

– Спасибо. Я бы сама не справилась.

Он только кивнул и ушел. Но я заметила, уголок рта у него чуть дрогнул. Почти улыбка. Почти.

На четвертый день я испекла пироги. Бабушка стояла рядом, командовала: «Больше лука, Нюта, мужики любят с луком!» – и подмигивала так, будто мы заговорщицы. Завернула три самых румяных в чистую тряпицу, оставила на его крыльце утром, пока он еще спал, и прикрепила записку: «Для поднятия боевого духа. От соседки, которая не умеет тихо жить. А. Х.»

Вечером я видела, как он вышел, взял сверток, развернул. Постоял секунду, понюхал. И... съел один прямо там, на крыльце. Не глядя по сторонам. Я наблюдала из-за куста смородины (да, я иногда шпионю, и что?) и почувствовала странное тепло в груди. Не от гордости.

Просто... он не выкинул. Не вернул. Съел.

А вчера, на пятый день, произошло самое забавное. Я решила полить бабушкины цветы у забора из старого шланга. Шланг, конечно, оказался дырявым, вода била во все стороны. Я вертелась, хохотала, как девчонка, и вдруг – бац! – струя попала точно через забор, прямо ему в спину. Он стоял там с кружкой, в камуфляжных штанах и тельняшке, и, видимо, пытался поймать тишину.

– Ой! – пискнула. – Простите!

Он медленно обернулся. Вода стекала по его волосам, по плечам, тельняшка прилипла к телу. Выглядел он... боже, как мокрый герой из кино. Только вместо улыбки был взгляд, от которого у меня мурашки по коже.

– Анна Егоровна, – произнес спокойно, слишком спокойно. – Вы целенаправленно пытаетесь меня уничтожить или это просто ваш стиль общения?

Я не удержалась и рассмеялась. Громко, от души. Шланг все еще брызгал в руках.

– Скорее второе. Но если вы пригласите меня на рыбалку, я обещаю вести себя прилично.

Почти.

Он вытер лицо ладонью и хмыкнул, но я видела, как он покачал головой. Не злой. Скорее... обреченный. Как будто понимал: от меня не отмахнешься.

А сегодня вечером я не выдержала. Бабушка опять подначивала: «Иди, Нюточка, спроси у него, может чего надо».

Я пошла. В желтом сарафане, с косой, которую специально не расплела. Солнце уже садилось, воздух был теплый, пахло сеном и рекой. Подошла к его крыльцу. Он сидел на ступеньке, чинил какую-то рыболовную снасть. Руки двигались уверенно, точно.

– Добрый вечер!

– Не добрый.

– Товарищ полковник, – начала я мягче, чем обычно. – А вы всегда такой приветливый? Или только по вторникам?

Он не поднял голову сразу. Закончил вязать узел, отложил леску и только тогда посмотрел. Взгляд был тяжелый, но уже не такой ледяной, как в первый день.

– Хохлова, – ответил он ровным голосом. – Я сюда не за развлечениями приехал. И вам советую не тратить время.

Прислонилась к перилам, но не наклонилась близко. Не хотела давить. Просто стояла и улыбалась.

– Ой, как страшно, – сказала с легкой иронией, но без привычного нажима. – Меня уже один мужчина бросил, сказав почти то же самое. Правда, ему было двадцать девять. А вы, получается... в два раза опытнее в бегстве?

Он наконец поднял глаза. В них мелькнуло что-то, но не раздражение. Что-то между усталостью и... интересом? Я почувствовала, как внутри у меня все сжалось.

Полгода прошло, как меня бросил парень, ради моей же стройной подруге. А тут, этот суровый дядька с шрамами и взглядом, от которого хочется одновременно убежать и остаться.

– Анна Егоровна, сколько вам лет?

– Двадцать восемь. А к чему вы это?

– О, – произнес он медленно. – Вам двадцать восемь. Мне сорок пять. Разница в семнадцать лет. Это не «опытнее». Это разные поколения.

Не стала шутить про камуфляж и руки. Просто посмотрела на него прямо и сказала тише:

– Может, и разные. Но я не ищу «поколение». Я просто... устала быть тихой. А вы, Федор Матвеевич, выглядите так, будто тоже давно не улыбались по-настоящему.

Он молчал. Долго. Потом кивнул на корзинку, которую я оставила вчера.

– Пироги были вкусные.

Я искренне улыбнулась.

– Рада. Завтра испеку с черникой. Если, конечно, вы не прогоните меня с участка.

Он не ответил. Просто встал, кивнул и пошел в дом. Но перед тем, как закрыть дверь, обернулся:

– Спокойной ночи, соседка.

Я ушла, чувствуя, как колотится сердце. Бабушка, конечно, ждала на крыльце с чаем и вопросами:

– Ну что, Нюточка? Поговорили? Он хоть улыбнулся?

– Почти, бабуль, – ответила, садясь рядом и обнимая ее за худенькие плечи. – Почти.

Внутри у меня впервые за полгода после предательства Сергея что-то теплого шевельнулось. Не надежда. Нет. Просто искра. Маленькая, осторожная. Этот суровый полковник с большой ногой и тяжелым взглядом точно не бросит. Он вообще не из тех, кто бежит.

А я... я вдруг поняла, что мне очень хочется, узнать его ближе.

Глава 3. Соседская война

Три дня после того вечернего разговора на крыльце я пытался вернуть себе хотя бы подобие порядка. Ранний подъем в пять тридцать, холодная вода из колодца на лицо, турка с кофе, удочка и река.

Все как в армии: четко, по расписанию, без лишних мыслей. Только вот мысли теперь были. И какие, мать их.

В первую ночь после того, как Хохлова ушла, а я сказал ей «спокойной ночи, соседка», я впервые за пятнадцать лет увидел сон. Не просто обрывки, а полноценный, цветной, такой, что проснулся я с таким стояком, будто мне опять двадцать пять и я только что вернулся из первого отпуска.

В нем Анюта она была... *стон! Анюта? Какого хрена, Котов?*

Ладно, хорошо, в нем Анюта была в том же желтом сарафане, только сарафан медленно сползал с плеч, а она смеялась и тянула меня за тельняшку к реке. Вода была теплой, ее кожа горячей, и когда я наконец прижал ее к себе, она прошептала мне прямо в губы: «Ну что, товарищ полковник, все еще хочешь тишины?»

Проснулся в три ночи, тяжело дыша, с рукой на члене и матом на языке. Пятнадцать лет без снов. Пятнадцать лет после того последнего задания, где я потерял половину взвода и последние иллюзии насчет того, что в этой жизни можно кого-то любить.

А тут, пожалуйста. Девчонка, которая младше меня на семнадцать лет, врывается в голову и устраивает там полноценный порнофильм.

Встал, вышел на крыльцо, выкурил две сигареты подряд и сказал себе вслух:

– Поздравляю, Котов. В сорок пять лет у тебя начался пубертат. Теперь ты будешь ходить по деревне с постоянным стояком, как подросток, который первый раз увидел сиськи. Только вместо сисечек будет соседка в сарафане. *Красавец, блядь, что сказать.*

На следующий день я увидел ее снова. Она шла по тропинке с корзинкой свежей клубники, напевая что-то веселое. Улыбка была на месте, но я уже научился смотреть внимательнее. Когда она думала, что я не вижу, улыбка гасла на секунду, плечи чуть опускались. Как будто маска сползала. Я знал этот взгляд. Сам такой носил после развода.

А до этого всего был утренний купальный инцидент. Я стоял на своем берегу с удочкой, а она совершенно голая, на том. Вода стекала по ее телу, коса лежала на спине мокрой тяжелой плетью, а грудь...

Черт, я не имел права смотреть, но смотрел. И с тех пор каждый раз, когда она проходила мимо, у меня в штанах начиналось восстание. Я уже ненавидел свои камуфляжные штаны, они ничего не скрывали. Приходилось стоять спиной к ней или быстро садиться.

Сегодня, на шестой день этой тихой войны, я как раз чинил крыльцо, когда услышал рев трактора. Старый «Беларусь» выехал из-за поворота, пыля и чихая. За рулем сидел крепкий парень лет двадцати девяти, загорелый до цвета старой бронзы, в майке и бейсболке задом наперед.

Сашка Молчанов, я уже слышал про него от бабушки Ани: «наш деревенский, с Нютой вместе росли».

Трактор остановился у их калитки. Сашка спрыгнул, широко улыбнулся и сразу заорал на всю улицу:

– Нюрочка! Выходи, красавица! Сено косить будем или сразу замуж?

Из дома выскочила Анюта, уже в другом сарафане, но не менее откровенном, коса болтается, щеки розовые. Она громко рассмеялась и подбежала к нему.

– Санька, ты опять? Я тебе еще в девятом классе сказала: жениться на тебе, это все равно, что корову доить через день. Усталая работа.

Сашка подхватил ее за талию, крутанул и поставил на землю. Она не отстранилась сразу, смеялась слишком громко и слишком старательно.

Я стоял у своего забора, с молотком в руке, и чувствовал, как внутри что-то тяжелое и темное начинает ворочаться. Ревность. Настоящая, взрослая, которую я не испытывал с тех пор, как моя бывшая жена ушла к майору из соседнего полка.

Мне сорок пять, ей двадцать восемь, а я стою тут, как идиот, и сжимаю кулаки только потому, что какой-то деревенский тракторист обнял ее за талию.

Ты серьезно, Котов? Она тебе в дочери годится. Ты должен радоваться, что у нее есть нормальный парень ее возраста, а не старый хромо́й полковник с кучей шрамов и вечным сто-яком по утрам.

Но радости не было. Была только злость. На себя. На него. На нее, за то, что смеется так, будто ей действительно весело.

Они работали весь день, я проверял, специально ходил. Сашка косил, Аня собирала в валки, бабушка носила им холодный квас. Я слышал каждое слово. Он шутил про свадьбу, про то, как «давно пора уже детей нарожать», она отшучивалась, называла его «Санька-братушка».

Но я видел: когда он отворачивался, ее улыбка снова гасла. Как будто она играла роль. Как будто боялась, что если перестанет шутить и хохотать, то сразу развалится.

К вечеру Сашка уже грузил сено на прицеп. Я решил, что хватит прятаться. Вышел к забору как раз в тот момент, когда он заводил трактор. Аня стояла рядом, вытирая руки о сарафан.

Сашка заметил меня первым. Ухмыльнулся еще шире.

– О, новый сосед! Здорово! Слышал, вы полковник? Круто. А я вот тракторист. Зато сено умею косить лучше любого спецназа.

Да, слухи о новеньком в деревне разлетаются быстро, я посмотрел на него спокойно. Очень спокойно. Тот самый взгляд, от которого в части бойцы сразу переставали улыбаться.

– Можно просто Федор Матвеевич.

– Молчанов, Саша, – парень лихо улыбнулся.

– Саша, – сказал я тихо. – Ты сено косишь хорошо. А вот с женщинами... не очень. Особенно когда они не просят.

Сашка моргнул. Улыбка сползла медленно, как масло с горячей сковородки.

– Да я это... по-свойски. Мы с Нютой с детства...

– Вот именно, – перебил. – С детства. А она уже не ребенок. И если ты думаешь, что громким трактором и шуточками ее можно взять, то ошибаешься.

Аня стояла между нами и смотрела то на меня, то на него. Глаза у нее были большие, удивленные. И... что-то еще было, теплое. Как будто я только что сделал то, чего она сама не могла. Сашка хмыкнул, но уже без прежней бравады.

– Ладно, полковник. Не кипятись. Это не твое дело, а твое дело отдыхать и дышать свежим воздухом.

Он завел трактор, кивнул Ане и уехал. Пыль еще долго висела в воздухе. Я повернулся к девушке, она смотрела на меня так, будто видела впервые.

– Вы... ревнуете, товарищ полковник? Вот это новости!

Я хотел ответить жестко. Хотел поставить на место. Но вместо этого просто сказал правду:

– Не знаю. Но мне это не нравится. Совсем.

Аня не ответила, кивнула, будто услышала что-то очень важное, и ушла к себе. *Что вообще на меня нашло? Зачем пролез в чужие отношения? Ты вообще нормальный, Котов?* Но ответа я так и не мог себе дать

Ночью я опять не спал.

Лег в одиннадцать, закрыл глаза и тут же увидел ее. Уже не в сарафане. Просто обнаженная, мокрая после реки, стоит на коленях передо мной на крыльце и смотрит снизу вверх с той самой дерзкой улыбкой. «Ну что, Федор Матвеевич, все еще хочешь тишины?»

П

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.